

ЖИВОЕ ВРЕМЯ (И ПРОСТРАНСТВО) В ТЕЧЕНИИ ФИЛОСОФСКО-ПОЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В.П. Зинченко

*Настал черед подумать самому
О времени, и долгом и растратном, —
о пополудни детства невозвратном,
куда заказан путь, — а почему?*

Р.М. Рильке

*Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?
Б. Пастернак
Земля гудит метафорой.*

О. Мандельштам

Когда я говорю о философско-поэтической мысли, то в равной степени подразумеваю философские мысли поэтов и поэтические мысли философов. Вадим Львович Рабинович счастливо сочетает в себе и философа и поэта, что, конечно, не означает, что вся его поэзия — философична, а вся его философия — поэтична. Хотя настоящий текст подготовлен в его честь, я, раскрывая тему, выйду за пределы его философии и поэзии, но не обойду их.

Несколько лет подряд мне довелось не то чтобы бок о бок работать, а тесно общаться с В.Р. Это происходило в Институте человека РАН, где я был «халифом на час», в качестве его директора-организатора. Конечно, мы были знакомы с ним и до Института, и дружили после, но наши встречи стали редкостью, диалоги — техничны (по телефону). Мы оба — люди пишущие и даже, порой — читающие, но друг друга — редко. А отклика хочется! Поэтому, не без задней мысли, я решился взяться за перо и принять участие в этом томе, чего бы не стал делать, если бы наше тесное общение продолжалось. Такое участие дает мне некоторую гарантию того, что, по крайней мере, один вынужденный или заинтересованный (?) читатель у меня будет, и им будет герой этого тома — В.Р. Будет и его отклик, если я выберу достойный юбиляра и близкий ему сюжет. Думаю, что этим требованиям может удовлетворить проблема человеческого, психологического или живого времени. Эта проблема вполне отвечает юбилейному поводу, она затрагивает В.Р. не только как человека, а и как книгодея, философа, культуролога и по-

эта, вполне профессионально прикасавшегося к ней. Путешествия по литературе наполняют В.Р. временем и пространством, а их внутренним избытком он щедро делится с читателями и слушателями.

Едва ли ему и другим возможным читателям смогут показаться интересны мои соображения о времени, извлеченные не из слишком больших глубин собственного духа. Я призову на помощь поэтов и мыслителей, которые могли слышать *обертону и шум времени*, даже *немеющее время*, ощущать его субстанцию, преодолевать сопротивление, и вообще общались с ним «на ты», как с действующим лицом. Мало этого, они очеловечивали и одухотворяли время, и не только время. И. Бродский верил, возможно, наивно, что обращение поэта к каждому человеку «превращает его из общественного животного в личность». А О. Мандельштам говорил, что любовь к стихам — это прививка от пошлости.

Надеюсь, что В.Р. этот сюжет и избранный мною способ его раскрытия будет приятен, поскольку именно он, если и не был инициатором, то всячески поощрял и поддерживал мои занятия поэтической антропологией. Этот сюжет может быть близок В.Р. еще и потому, что он сам приложил и прилагает много усилий к тому, чтобы обнаруживать и раскрывать все новые и новые смысловые ценности и смысловые глубины, скрытые от нас, то в трудах алхимиков, то в трудах философов, например, бл. Августина, Алкуина и др. Как сказал бы М.М. Бахтин, он освобождает их из плена времени, добывает новые материальные носители смысла, так сказать, тела смысла (2003, т.6, с.456). Тело смысла подобно звучащей и говорящей плоти русского языка, о которой писал О. Мандельштам. Мне, как и В.Р., хотелось бы, чтобы в контексте этого разговора выиграло время: *ушедшее* — в любимых поэтах, а *настоящее* — в нас. Именно такое играющее, вибрирующее время он называет *живым*. Должен предупредить, что обещанная проблематика живого времени и частично — пространства будет рассматриваться с точки зрения психолога.

* * *

Едва ли можно сказать, что время для поэзии — земля обетованная, но она о нем

знает не понаслышке. Знает много хорошего и разного, светлого и печального. Такое знание связано с ее природой. Поэтическое пространство и поэтическая вещь, – по словам О. Мандельштама, — четырехмерны. Как минимум, четырехмерна и психологическая реальность. *Поэтическая материя* (этот термин использовали Г. Гейне, О. Мандельштам, Е.Г. Эткинд и др.) и психологическая реальность близки до неразличимости.

Общее основание не только сходства, но и взаимодействия, взаимопроникновения обоих видов реальности состоит в том, что человек развивающийся не ограничивается восприятием внешнего, а погружается во внутреннюю форму другого человека, слова, символа, произведения искусства. Посредством подобных актов он строит свою собственную внутреннюю форму, а также внешние формы своего поведения и деятельности (Зинченко В.П. 2000а). Это справедливо и для аффективно-смысловых образований, для высших чувств, которые в искусстве, в том числе и в поэзии, вполне объективны (В.В. Кандинский, Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский).

По словам А.С. Пушкина, *Любви нас не природа учит...* Именно *песни Петрарки и Данте стали определителями поведения дальнейшего человечества* (А.А.Ухтомский). Сказанное справедливо и для нравственности, для этики. Историк М.Я. Гефтер, размышляя об этом, спрашивал: Какой смысл правого и неправого в "Гамлете", если все погибают? И отвечал: Смысл в осознании трагедии, во внесении ее в себя (Печерский М. 1996, с.37). Надеюсь, читатель сам решит, что из поэтического материала, присутствующего в тексте, внести в себя, сделать своим.

Психологи лишь сравнительно недавно заподозрили, что изучаемая ими реальность имеет не только четвертое, но еще и пятое — смысловое измерение, преобразующее, реорганизуемое пространство и время. В это пятое, а, возможно, первое (?) измерение укорененного в бытии смысла поэзия проникла значительно раньше науки. Поэты же описали, как человек проникает в смысл бытия или открывает его в себе, в своем бытии:

*Нам четырех стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек:
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?*

О. Мандельштам

Это не самые прозрачные строчки поэта. Они имеют избыток степеней свободы колеблющегося смысла. Четыре стихии — небо, вода, земля, огонь, объединенные пространством. Пятой стихией может быть созданное свободным человеком время. Но это же и ковчег, в котором, как известно, может быть «всякой твари по паре». В нем есть место времени, языку, памяти, сознанию, смыслу, символу, да и сам ковчег — символ. Но одновременно и вещь. Значит, свободный человек не только осуществляет себя, свои смыслы во времени, но и создает, овеществляет их и тем самым преодолевает время. О вещности смыслов писали Э. Гуссерль, Г.Г. Шпет, Л. Витгенштейн. Психологии еще предстоит осмыслить их идеи о смысле. Какой бы ни была пятая стихия у О. Мандельштама, важно, что она «превосходнее пространства». В «Разговоре о Данте» он еще более категоричен: поэзия «с потрясающей независимостью водворяется на новом, внепространственном поле действия, не столько рассказывая, сколько разыгрывая природу при помощи орудийных средств, в просторечье именуемых образами» (1987, с.108). Поэт водворяет ее и на новом вневременном поле:

*Чтоб полной грудью мы вне времени вздохнули
О луговине той, где время не бежит.*

Проникая в эти суровые пространственно-временные определения бытия или поднимаясь над ними, поэзия сохраняет их чувственное содержание или наполняет своим собственным. В любом случае, в искусстве абстрактные категории "пространства" и "времени" не утрачивают "корня" конкретности. Тем самым поэзия и искусство преподают поучительные уроки науке, предвосхищают ее будущие результаты и помогают осмыслить уже имеющиеся.

Попробую последовать вслед за ними, не беря на себя никаких предварительных обязательств. Заинтересованному читателю будет предложено поле преимущественно поэтических ассоциаций, связанных с пространством и временем, на основании которых он при желании сможет построить отличное от моего собственное пространство культурных и жизненных смыслов, относящихся к хронотопии сознательной и бессознательной жизни. Не исключено и построение научных смыслов. К сожалению, множества культурных и научных смыслов далеко не всегда совпадают, в лучшем случае они пере-

секаются. Поэтому я воздержусь от критических оценок прозрений, принадлежащих художникам. Порекомендую читателю следовать совету специалиста по русскому классицизму А.В. Западова, проникать *в глубь строки*, в поэтическую материю, в смысловую ткань текста, и совету Р.М. Рильке — *вглядываться в строки, как в морщины задумчивости*.

* * *

Естественно начать текст о пространстве времени с характеристики этих суровых определений бытия. Обращусь за помощью к философу М.К. Мамардашвили, который дал исходные, простейшие и понятные мне, как психологу, определения. На вопрос, что такое время, он отвечает: "Оно есть предельное отличие предмета от самого себя. То есть мы отвлекаемся от всех других отличий предметов. Мы говорим: время есть отличие предмета от самого себя. Как пространство есть отличие одного предмета от другого" (1995, с. 233). Применительно к живому — такие отличия есть состояния, вне изучения которых наука о живом, в том числе и психология, невозможны. На вопрос, что такое жизнь, Мамардашвили отвечает: "Живое, по нашему интуитивному пониманию и ощущению, отличается от мертвого тем, что оно всегда может быть иначе. Быть живым — это быть способным к другому" (там же, с.204). Такое другое С.С. Хоружий называет бытийной Альтернативой. Соответственно, время существования осмысливается как время Альтернативы (2001, с.58). Философам вторит поэт (или они вторят ему!):

*Время больше пространства. Пространство — вещь.
Время же, в сущности, мысль о вещи.
Жизнь — форма времени. Карп и лещ —
сгустки его. И товар похлеще —
сгустки. Включая волну и твердь
суши. Включая смерть.*

И. Бродский

Автор настоящего текста не преследует цели научного изучения времени. Моя задача проще. Речь идет о том, чтобы составить представление о времени и поделиться

им с читателем. Время, действительно, суровое определение бытия. Самое гениальное решение, принятое или реализованное с опозданием, равносильно ошибке, а иногда опоздание влечет за собой трагедию, катастрофу. Человека характеризует *избыток недостатка* (Ж. Батай) или *фундаментальное неблагополучие* (С.С. Хоружий), постоянно порождающие смятение, беспокойство, импульс к действию, различные формы активности, деятельности. Избыток недостатка и фундаментальное неблагополучие осмыслены лишь в том случае, если человек обладает *избытком возможностей* для их преодоления. И такой избыток у человека имеется: *"Нам союзно лишь то, что избыточно,* — говорил О. Мандельштам. С избытком ли недостатка или с избытком возможностей, или и того и другого вместе связана неизвестная ленивым и нелюбопытным "неудержимость онтогенеза" (А.Я. Гурвич), т.е. изменения себя во времени, раскрытия своих возможностей, приобретения новых. При этом жизненный мир огромен, он может быть привлекательным, опасным, ужасным, а время всегда ограничено, его всегда не хватает. А в динамичном мире его не хватает катастрофически. Отсюда и старинное китайское проклятье: "Чтоб тебе жить в эпоху перемен". Выход состоит в том, чтобы научиться оперировать со временем, для чего полезно кое-что знать о нем. Попробуем начать в этом разбираться.

Человек живет в пространстве времен: в прошлом, в настоящем, в будущем, в безвременье, во времена временщиков, в межвременье, в параллельном времени и, наконец, как это ни удивительно, иногда даже в счастливом времени. Порой он оказывается вообще вне времени: "время стоит". При этом в каком бы времени он ни находился, или каким бы не было их причудливое сочетание, в каждый момент времени в нем присутствуют все три цвета времени (или он сам в них присутствует?). Когда рвется связь времен, настоящее без примеси прошлого и будущего вызывает страх, ужас. Полное настоящее, включающее прошлое, настоящее и будущее, заставляет иногда воскликнуть: *Остановись, мгновенье, ты прекрасно*, или: *ты неповторимо*.

Строго говоря, каждый миг человеческой жизни представляет собой элементарную, разумеется, виртуальную единицу вечности. Если бы это было не так, у человека никогда бы не возникла идея вечности. Далеко не каждый миг жизни очеловечен. Бывает бесчеловечное время. Оно смягчается воображением. В своих мечтах, которые, ко-

нечно, содержат не только временную, но и предметно-пространственную составляющую, люди живут, как минимум, в приличном времени. Например, ранний А.Блок:

*Белой мечтой неподвижно прикован
К берегу поздних времен.*

У зрелого поэта находим иное:

*Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта...*

Аналогичное расхождение между мечтами и трагической реальностью мы находим у О. Мандельштама. В юные годы поэт пишет:

*Будет и мой черед —
Чую размах крыла.
Так — но куда уйдет
Мысли живой стрела?*

В воронежских стихах иное:

*Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилою
Без руля и крыла совладать.*

Реальное время непрозрачно и далеко не для всех составляет проблему. Все переживаемые, освоенные и преодоленные виды времени, как, впрочем, и освоенные виды пространства, человек носит с собой. Не только носит, но и преобразует, как наяву, так и во сне. Их виртуальность не должна смущать. Фиксируясь в слове и образе, они воспринимаются реальнее, чем сама действительность. О реальности неосознаваемого мира, например, сновидений, задолго до психоанализа писал Ф.И. Тютчев:

*Как океан объемлет шар земной
Земная жизнь кругом объята снами.*

С.Л. Франк, комментируя эти строки, пишет: «Континенты, твердая почва — это есть "действительность"; океан же, со всех сторон объемлющий земной шар, это "сны", явления "субъективного порядка", которые однако *есть*, принадлежат к реальности, хотя и не входят в состав действительности» (1990, с.259). И. Бродский даже утверждал,

что реальность и сон – это тавтология, так как толкование сновидений начинается с толкования реальности. Марина Цветаева не стала бы спорить с И. Бродским. Она не только знала, что *уровень бреда выше уровня жизни*, но испытала это на себе. Правда, сновидение, даже кошмарное, безопасней, чем действительность, и учит тому, что время может течь вспять.

Как мы видим, мысль поэтов смыкается с мыслью философа. Естествоиспытатель и мыслитель А.А. Ухтомский со всей категоричностью заявлял, что субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное. В этом же духе высказывался и А. Эйнштейн, говоря о мире, *заполненном нами же созданными образами*. П.А. Флоренский говорил о пневматосфере и духосфере, а В.И. Вернадский — о ноосфере как о реальности. Эти образы, в том числе созданные художниками и учеными образы времени и пространства, бытийны, онтологичны, хотя далеко не всегда этичны, как, например, различные утопии.

Следует еще раз обратить внимание на различие "реального" и "действительного", о котором писал С.Л. Франк. Порожденные человеком аффективно-смысловые и значащие образования вполне реальны, но далеко не всегда действительны. Они такими могут стать или не стать. Но в силу своей реальности, они нередко принимаются за действительность. Поэтому перед человеком всегда стоит рефлексивная задача дифференциации им самим порожденной реальности, в том числе собственных образов пространства и времени, от действительности. Не только им самим, но и другими. Отличение иллюзий, фальши от подлинности — задача не из легких.

Смерть также имеет свое время, но это время особое: оно перестает быть действующим лицом и не является календарным. Со ссылкой на Лукреция Бродский пишет, что мертвые (или их души?) свободны от причинности. Знание, доступное им, — знание о времени — всё времени. Не знаю, как в смерти, но доступное поэтам знание уже при их жизни далеко выходит за ее пределы. Они не скрывают этого. По выражению А. Белого, поэзия – это *пророчество*. И действительно, его слова, сказанные в 1911 году:

*Мир рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбою*

стали пророческими. Напророчил и В. Хлебников:

Плыл я на «Курске» судьбе поперек.

О. Мандельштам предпочитал говорить не о пророчестве, а о понимании. В.Р. в статье, посвященной «Времени Кандинского в большом времени XX века», написанной совместно с А.Н. Рылевой, называет В.В. Кандинского не пророком, а таймером века. Авторы представляют время художника (думаю, это же относится к выдающимся поэтам) двубытийно: время как категория его художественной и рефлексивной практики и собственно время его жизни как особого произведения на фоне жизни его же века. Так *жизнь текста* становится *текстом жизни* (1999, с.46). Разумеется, текстом жизни не только самого художника, поэта, ученого. По словам В.В. Набокова, жизнь подло подражает художественному вымыслу. К счастью, не только подло... В этом круговороте трансформаций жизни текста в текст жизни и текста жизни в жизнь текста решающую роль играют то ли прекрасные, то ли творческие порывы. Хотя их происхождение таинственно и неожиданно, без них подобные трансформации невозможны.

Вернемся к смерти, которая, несмотря на убеждение подавляющего большинства людей, что умирают только другие, присутствует и в настоящем:

*Когда б не смерть, то никогда бы
Я не узнал, что я живу.*

О. Мандельштам

Замечательно удивление поэта:

*Неужели я настоящий,
И действительно смерть придет.*

По поводу смерти А.Н. Скрябина О. Мандельштам писал: "Она не только замечательна как сказочный посмертный рост художника в глазах массы, но и служит как бы источником этого творчества, его телеологической причиной. Если сорвать покров времени с этой творческой жизни, она будет свободно вытекать из своей причины — смерти, располагаясь вокруг нее, как вокруг своего солнца, и поглощая его свет" (1990, т.2, с.157).

Сказанное о смерти соответствует не очень оптимистическому заявлению Р.М. Рильке, что человек рождается со своей смертью и всегда носит ее с собой. Поэт хотел умереть *своей смертью*. В. Хлебников, как мне кажется, вполне серьезно написал в "Ав-

тобиографической заметке": *Вступил в брачные узы со Смертью и, таким образом, женат.* Рильке и Хлебникову вторит Т. Элиот: *В моем начале есть мой конец.* В.С. Соловьев в поэтическом пристрастии к смерти увидел светлую сторону:

*Безумье вечное поэта —
Как старый ключ среди руин ...
Времен не слушаясь запрета,
Он в смерти жизнь хранит один.*

Не буду спорить с философом, умершим в 1900 г. Его посмертная и очень не простая на Родине судьба продолжается в новом тысячелетии и конца ей не видно. Смерть тоже себе на уме, заботится о *полноте* своего времени:

*Тысячелетняя отповедь небытию!
Разве что смерть, мастерица молчать и считать,
время ссужая нам, выгоду помнит свою.*

Р.М. Рильке

И. Бродский со свойственной ему категоричностью сказал: *Время создано смертью.* Давние оксюмороны *мертвая жизнь* и *живая смерть* имеют смысл, который до конца еще не разгадан. Во всяком случае, смерть щедрее посредственности, которая, если бы могла распознать талант, задушила его в колыбели.

Так или иначе, но, благодаря отчетливому или смутному осознанию неотвратимости конца, смертные все же догадались подарить бессмертие богам, сотворив для себя виртуальные вечность и бесконечность вместе с достаточно призрачной надеждой сохраниться в памяти потомков: *На века творили вечность мы веками* (И. Бродский). И создали для себя захватывающее зрелище, называемое культурой. И об этом же: *Смотрю в века, живу в минутах* (Н. Гумилев). Так что иногда надежда и приложенный к ней труд все же себя оправдывают.

Видимо, смерть достаточно устойчивый сюжет поэзии потому, что, несмотря на памятование о ней, сама она остается непонятной. Парадокс в том, что в непонятности смерти О. Мандельштам увидел силу культуры (1987, с.161), ибо творчество, по его словам, все же происходит:

В сознании минутной силы,

В забвении печальной смерти.

Причина этого состоит в том, что в моменты — периоды творчества человек испытывает ощущения-чувства собственной порождающей активности (М.М. Бахтин), в предельных случаях — одержимости, вдохновения, он сам находится в потоке деятельности или деятельность — течет через него. А там, где рождение, нет места смерти.

О. Мандельштам говорил о *пространства внутреннем избытке*. Равным образом, в человеке присутствует и внутренний избыток времени, даже, возможно, в большей степени, чем пространства. Ведь многим кажется, что время старше и больше пространства и умнее. Когда человек не умеет его укрощать, избыток превращается в дефицит времени. Но этот же избыток времени собирается в *мгновении* — *длении*, в *вечном мгновении*, в *бесконечной одновременности*, в *вечном теперь*; благодаря ему возникают *состояния абсолютной временной интенсивности* (Г.Г. Шпет), возникает *актуальное будущее поле* (Л.С. Выготский), или *мир чудовищной актуальности* (М.К. Мамардашвили), когда *меньше года длится век* (Б.Л. Пастернак). М.М. Бахтин такие состояния называл *вневременным зиянием между двумя моментами времени*. По-видимому, именно в таком зиянии или в зазорах длящегося опыта зарождаются превращающиеся в текст порывы. В.Р. предложил для подобных удивительных мгновенных состояний удачное наименование — *Мегамиг*. М.К. Мамардашвили, мне кажется, идентифицировал бы мегамиг с моментом «здесь и теперь», с актом «когито»: «Акт «когито» — это момент привилигирования настоящего, на которое поляризуется мир, и это настоящее в строгом смысле слова не есть один из моментов течения времени, где есть будущее, перетекающее в настоящее и из настоящего перетекающее в прошлое. Отнюдь. Здесь имеется в виду полнота акта в вертикальном разрезе по отношению к горизонтам течения времени» (2000, с.235). И далее М.К. Мамардашвили оптимистически разъясняет, что нашим бодрствованием, нашим вертикальным стоянием будет скован поток. Во всяком случае, такого шанса он не отвергает. Иное дело, как им воспользуется отдельный человек или целое поколение?!

Бахтинское пограничье, где располагается культура справедливо и для времени. В.Р. пишет: «все то, что *на границах* встретилось здесь. *Здесь и теперь* как свершения всех времен — *прошедшего и будущего, но в пафосе настоящего...*» (1999, с.41). Ра-

зумеется, не все настоящее столь пафосно. Есть и обыденность, когда, несмотря на все перечисленное, среди разнообразных цепей *будет время тянуться годами* (Р.М. Рильке).

Актуальное время вбирает в себя прямую и обратную временные перспективы. Они могут быть весьма обширными, даже беспредельными, могут и съеживаться, сжиматься. Напомню вечно актуальное для России:

*А вы, часов кремлевские бои,
Язык пространства, сжатого до точки.*

О. Мандельштам

Симультанное восприятие пространства (предметного мира) — не новость. Симультанность распространяется и на восприятие времени. Прислушаемся или вчитаемся в воспоминания П.А. Флоренского о своем детстве: "На Аджарском шоссе я с детства приучился видеть землю не только с поверхности, а и в разрезе, даже преимущественно в разрезе, и потому на самое время смотрел сбоку. Тут дело совсем не в отвлеченных понятиях, и до всего указываемого мною, чрезвычайно легко подойти, руководствуясь рассуждениями. А дело здесь в всосавшихся спервоначала и по-своему сложивших всю мысль привычках ума: известные понятия, вообще представляющиеся отвлеченно возможными, сделались во мне приемами мышления, и мои позднейшие религиозно-философские убеждения вышли не из философских книг, которых я, за редкими исключениями, читал всегда мало и притом неохотно, а из детских наблюдений и, может быть, более всего — из характера привычного мне пейзажа... В строении моего восприятия план представляется внутренне далеким, а поперечный разрез — близким; единовременность говорит и склонна распасться на отдельные группы предметов, последовательно обозреваемые, тогда как последовательность — это мой способ мышления, причем она воспринимается как единовременная. Четвертая координата — времени — стала настолько живой, что время утратило свой характер дурной бесконечности, сделалось уютным и замкнутым, приблизилось к вечности. Я привык видеть корни вещей. Эта привычка зрения потом проросла все мышление и определила основной характер его — стремление двигаться по вертикали и малую заинтересованность в горизонтали" (1992, с.99). Это детское мышление можно обозначить как разумное, отличающееся от

обыденного и от рассудочного. "Единовременная последовательность" — это не "от сих — до сих" и не "почему сие есть в пятых?" Примечательно, что в детских наблюдениях пространство трансформировалось в хронологию, во время, которое становилось средством интерпретации пространства. Хронос и топос сливались в одно, в хронотоп. Весьма существенно, что такой тип мышления порожден вниманием и любовью к природе.

Приведу близкое по смыслу автобиографическое признание О. Мандельштама, сделанное им в «Разговоре о Данте»: «Черноморские камушки, выбрасываемые приливом, оказали мне немалую помощь, когда созревала концепция этого разговора. Я откровенно советовался с халцедонами, сердоликами, кристаллическими гипсами, шпатами, кварцами и т.д. Тут я понял, что камень как бы дневник погоды, как бы метеорологический сгусток. Камень не что иное как сама погода, выключенная из атмосферического и упрятанная в функциональное пространство. Для того чтобы это понять, надо себе представить, что все геологические изменения и самые сдвиги вполне разложимы на элементы погоды. В этом смысле метеорология первичнее минералогии, объемлет ее, омывает, одревливает и осмысливает.

Прелестные страницы, посвященные Новалисом горняцкому, штейгерскому делу, конкретизируют взаимосвязь камня и культуры, выращая культуру как породу, высвечивают ее из камня — погоды.

Камень — импрессионистский дневник погоды, накопленный миллионами лихолетий; но он не только прошлое, он и будущее; в нем есть периодичность. Он алладинова лампа, проникающая сумрак будущих времен.

Соединив несоединимое, Дант изменил структуру времени, а может быть, и наоборот: вынужден был пойти на глоссалию фактов, на синхронизм разорванных веками событий, имен и преданий именно потому, что слышал обертона времени» (1990, с.251).

Тот же ход мысли, связанной с камнем, мы находим у Р.М. Рильке:

*И окаменелость выдает
небывалое — и тем неожиданней
вечное безмолвье всех созданий
громогласным действием предстает.*

О. Мандельштам сочувственно излагает ход мысли А. Бергсона, который «рас-

смаатривает явления не в порядке их подчинения закону временной последовательности, а как бы в порядке пространственной протяженности. Его интересует исключительно внутренняя связь явлений. Связанные между собой явления образуют как бы веер, створки которого можно раздвинуть во времени, но в то же время он поддается умопостигаемому свертыванию» (1990, с.173). При таком ходе мысли место проблемы причинности занимает проблема связи явлений, что делает возможным сохранение единства в вихре перемен. Это же дает возможность человеку сохранять свою идентичность (если она была найдена, построена) в том же вихре перемен.

У о. Павла такой тип мышления сложился в детские годы. Думаю, что и у О. Мандельштама он сложился довольно рано. Его первая книга стихов называлась «Камень». Может быть это название от Петербурга – petros – камень, а может быть, и от халцедона или сердолика. Поэт, как и ученый, увидел в камне четвертое измерение, задумался о его происхождении. Это и есть теоретическое отношение к предмету. Флоренский и Мандельштам как бы построили модели предметов возможного научного исследования. Именно о развитии такого мышления в начальной школе заботились В.В. Давыдов и Д.Б. Эльконин.

Теоретическое мышление о корнях, истоках, о происхождении и развитии — это живое мышление, так как оно само вырастает из живого движения, живого созерцания, предметного действия и до-теоретического живого знания. В конечном счете — из *живой жизни*.

Время имеет не только астрономическое, но и энергийное измерение: силы притяжения прошлого и будущего не равны. Есть *цепь, связывающая с прошлым, и луч — с будущим* (В.В. Кандинский). Оно содержит и аффективную составляющую:

Прошлое страстно глядится в грядущее.

Нет настоящего. Жалкого нет.

А. Блок

Бл. Августин говорил о том, что только через напряжение действия будущее может стать настоящим. Без напряжения действия будущее навсегда останется там, где оно есть. Августин, конечно, имел в виду потребное будущее: непотребное приходит само, становясь жалким настоящим. Бывало и такое, что независимо от воли и желания

индивида ли, социума ли "Кол из будущего надвигался на улицу, полную запаха вчерашних слов и понятий. Лишь верхние чердаки спаслись от потопа других времен. Подвалы были затоплены" (Хлебников В. 1987, с.571). Поэт оказался поразительно точен. Большевики вначале запретили бессознательное (1925 г.). А в 1929 г. — год "великого перелома" (*перемола—В.Р.*) — «светлое будущее» затопило *верхние чердаки*, и время лишилось сознания. Чтобы его вернуть, мало осудить прошлое. Необходимо покаяние, что значительно труднее.

В менее трагических случаях -- будущее через напряжение действия, -- тоже должно идти навстречу прошлому, искать его, самоутверждаться с его помощью, вписываться в него.

*Настоящее и прошедшее,
Вероятно, наступают в будущем,
Как будущее всегда наступало в прошедшем.
Если время всегда настоящее,
Значит, время не отпускает ...
Ненаставшее и наставшее
Всегда ведут к настоящему.*

Т. Элиот

Противопоказано лишать настоящее и будущее прошлого. Боязнь влияния, боязнь зависимости – это боязнь — и болезнь — дикаря, но не культуры, которая вся — преемственность, вся эхо, — говорил И. Бродский. И он же: *Настоящему, чтобы обернуться будущим, требуется вчера*. История культуры — это *летопись не прошедшего, а бессмертного настоящего* (О. Фрейденберг). Такое настоящее должно длиться, оно ожидает подобного же от будущего, иногда, правда, слишком долго. Образы прошлого и будущего входят друг в друга, преодолевая *перегородок тонкоробость*, взаимно обогащают друг друга или пугают...

*Но учти, узы будущего и прошедшего
Сплетенных в слабостях ненадежного тела,
Спасают людей от неба и от проклятия,
Которых плоти не вынести.*

Т. Элиот

Когда спасают, а когда и губят:

Как в прошедшем грядущее зреет,

Так в грядущем прошлое тлеет —

Страшный праздник мертвой листвы.

А. Ахматова

Все сказанное позволяет поверить в идею В. Хлебникова о существовании *Государства времен*. Примечательно, что о таком государстве писал замечательный поэт России, в *пространствах которой затерялось время* (А. Фет). Хлебников говорил, что он связал время с пространством. В *Государстве времен* будущее познается в настоящем. Время и пространство обмениваются своими функциями, время переходит в пространство: "Мой основной закон времени ... когда будущее становится благодаря этим выкладкам прозрачным, теряется чувство времени, кажется, что стоишь неподвижно на палубе предвидения будущего. Чувство времени исчезает, и оно походит на поле впереди и поле сзади, становится своего рода пространством" (1987, с.14). Но теперь уже пространством овремененным, осмысленным. По сути, поэт описал то, чему примерно в те же годы А.А. Ухтомский дал наименование *хронотопа*. "Государство времен" Хлебникова можно назвать *хроноутопией*. Ее место он нашел в *языковом пространстве*, становящемся единством *пространства — времени*. Сейчас трудно судить о мотивах, побудивших В. Хлебникова бороться за главенство времени, за свое время. У его современника, поэта Бориса Несмелова были аналогичные мотивы, вызванные тем, что "в борьбе с пространством инженерами случайно задавлен щенок времени" (см. Терехина В.Н. 2001, с. 131). Отсылаю читателя к упомянутой выше статье В.Л. Рабиновича и А.Н. Рылевой, в которой анализируется и воссоздается *Время — пространство* Кандинского. Его «Синий всадник» соединяет в себе пространство и время, но является символом того же хронотопа, который беспредельно расширяется, что неминуемо влечет за собой задачи определения и изображения беспредельного. К беспредельности, конечно, стремятся не только художники. Такое стремление, видимо, в природе человека, хотя оно и не безопасно:

И если — гибель, то виною

Наш беспредельный к беспредельности порыв.

Р. Фрост

Этот мотив хорошо знаком и русской поэзии: *Есть упоение в бою*; стремление к краю: *Постою на краю...* (В наше время порыв к беспредельности, к несчастью, сменяется практикой беспредела...)

Впоследствии хронотопу было найдено место в организации поведения и деятельности, сознательной и бессознательной жизни человека, в художественном произведении. В сочинениях М.М. Бахтина имеется множество примеров хронотопического изменения бытия – сознания. Это точки кризисов, переломов и катастроф, когда миг по своему значению приравнивается к *биллиону лет*, т.е. утрачивает временную ограниченность (точки *на пороге*). Сюда же относится возможность в одно мгновение превратить ад в рай, перейти из одного в другой и т.п. Абсолютная временная интенсивность вызывает ассоциации с черной дырой, втягивающей в себя пространство. В жизни сознания — это может быть “светлая дыра”, не столько втягивающая в себя пространство и время, сколько открывающая их вкупе со смыслом. Вне смыслового измерения хронотоп в принципе невозможен. Если, согласно Бахтину, время — это четвертая координата континуума бытия–сознания, то смысл — пятая или — первая, разумеется, не по хронологии, а по значимости:

*Ведь смысл, он размышлений плод,
лишь краешек надкусит тот,
кто мыслит до конца.*

Р.М. Рильке

Мысль об обмене пространства и времени замечательна сама по себе. Например, развернутое в пространстве и времени сукцессивное перцептивное действие сворачивается в симультанный, как бы лишенный координаты времени образ предмета или ситуации. Затем симультанный образ разворачивается в сукцессивное пространственное исполнительное действие, реализуемое посредством *живого движения*. В таких ситуациях имеет место не только обмен пространства на время, но и преодоление этих суровых определений бытия. Механическое движение есть перемещение тела в пространстве, а живое — преодоление пространства. Условием этого является преодоле-

ние самого себя, своих инерционных сил, своей апатии.

В. Хлебникова волновал общий строй времени:

Помимо закона тяготения

Найти общий строй времени,

Основную мелкую ячейку времени и всю сеть.

В поведении, в деятельности, в сознании человека такими ячейками являются действие, образ и слово. Они же конституируют *сеть*, а не ось содержательного времени, в которой, — по справедливому замечанию Хлебникова, — хронологическое время течет не линейно, а по запутанному переплетению различных ручьев. Проиллюстрируем это: «Время — чистая и неприкрашенная субстанция александрийца. Распределение времени по желобам глагола, существительного и эпитета составляет автономную внутреннюю жизнь александрийского стиха, регулирует его дыхание, его напряженность и насыщенность. При этом происходит как бы “борьба за время” между элементами стиха, причем каждый из них подобно губке старается впитать в себя возможно большее количество времени, встречаясь в этом стремлении с притязаниями прочих» (Мандельштам О., 1990, с.163).

Аналогичное происходит в берущих начало от Н.А. Бернштейна кольцевых и преобразующихся сегодня в спиральные рефлексивные модели построения движений и действий. Они насыщены, даже перенасыщены различными когнитивными функциональными компонентами (узлами). Каждый из них имеет свою постоянную времени, и все они опутаны не только системой прямых и обратных связей, но и паутиной смыслов. Там тоже происходит *борьба за время*, обмен функциями, благодаря чему пространство образа трансформируется во время движения. В них не так-то просто определить, где начало, а где конец, а время (процесс организации движения) течет именно так, как описывал Хлебников (см. Гордеева Н.Д. 1995). Любой сколько-нибудь сложный организм от биологического до социального и космического имеет гетерархическую, клеточную (ячеистую) структуру и, соответственно, множество времен.

В образе, по сравнению со словом и действием, происходит максимальная концентрация времени. Художники даже претендуют на изображение Вечности. Спрессованность, абсолютная временная интенсивность, внутренняя динамика, которые харак-

теризуют образ и позволяют ему разворачиваться в действие, подобны закону разворачивания математического числового ряда. Эта аналогия принадлежит Г.Г. Шпету. Близкие мысли мы встречаем и у О. Мандельштама: «Поэтические образы, так же как и химические формулы, пользуются знаками неподвижности, но выражают бесконечное движение» (1987, с.160). Начальная энергия возможного разворачивания, например, зрительного образа накапливается в процессе его формирования. По мере воплощения образа она может прирастать в действии, что представляет собой особую проблему.

Видимо, слово, образ и действие имеют не только свои постоянные времени. Они творят свое время, реорганизуют его. И. Бродский писал, что мы (поэты) здесь для того, чтобы узнать не только, что время делает с людьми, но что язык делает с временем. Бродский также приходит к мысли В. Хлебникова о том, что в “пространстве языка” осуществляется единство “пространства — времени”. Бродский следующим образом комментирует строчку У.Х. Одена: *Время боготворит язык*: «... “обожествление” — это отношение меньшего к большему. Если время боготворит язык, это означает, что язык больше, или старше, чем время, которое, в свою очередь, старше и больше пространства. Так меня учили и так я чувствовал. Так что, если время — которое синонимично, нет, даже вбирает в себя божество — боготворит язык, откуда тогда происходит язык? Ибо дар всегда меньше дарителя. И не является ли тогда язык хранилищем времени? И не поэтому ли время его боготворит? ... язык играет, чтобы реорганизовать время» (1998, с. CLXIII). Этот удивительный пассаж поэта, разумеется, не следует понимать буквально. С точки зрения любого поэта, пожалуй, кроме Гёте, “Вначале было слово”. Тора и Библия, где это впервые артикулировано, — тоже ведь поэтические сочинения. Бродский говорит о том, что чудесные превращения времени, происходящие в человеческой жизни, теснейшим образом связаны с природой языка. Я бы все же прислушался и к Гёте: “В деянии основа бытия”. Действие — первый преобразователь времени, так как оно осуществляется в прямой и обратной временной перспективе. Их стягивание, схождение преобразует точку на стреле содержательного времени в *дление*.

Если читателю для описания индивидуального поведения человека “государство времен” Хлебникова покажется слишком торжественным или невероятным, пусть попробует возразить Л. Кэрроллу по поводу того, что *Время — действующее лицо* со сво-

им голосом, цветом, обликом, запахом... Ведь лицо выше государства! А раз лицо, то с ним, как минимум, следует быть вежливым.

Время не любит удил.

И до поры не раскроет свой рот.

В. Хлебников

Оно имеет свой норов. Лицо времени может быть беззаботным, хмурым, обремененным заботами. Время и бремя не только созвучны: *Золотая забота, как времени бремя избыть.* (О. Мандельштам) У А. Блока и Н. Гумилева они почти синонимы. О лице времени нужно помнить всем, кто причастен к исследованию развития человека во времени. Вне категории развития психология, как наука, едва ли возможна, поскольку человек никогда не равен самому себе. Он либо больше, либо меньше самого себя и своего времени. Если больше, то ему приходится преодолевать не только пространственные, социальные, но и *хронологические надолбы и рвы* (Г.А. Адамович), выбираться из *хронологической провинции* (С.С. Аверинцев), т.е. из бездумного или безумного стоящего или вспять текущего времени. Чтобы отстоять свое время от посторонних посягательств! Не всем хочется социализироваться, становиться современниками и, *задрав штаны, бежать за комсомолом:*

Нет, никогда ничей я не был современник,

Мне не с руки почет такой.

О. Мандельштам

Правда, одно исключение поэт сделал, публично воскликнув: *Я — современник Ахматовой.*

В свете сказанного вся психология должна была бы быть психологией развития. Но мы весьма смутно представляем себе, что такое возраст, что такое возрастная норма и есть ли она вообще. Норма развития, действительно, звучит странновато, так как норма родственна границе, пределу, стандарту, наконец. Но ведь то, на что способно человеческое тело, никто еще не определил, и никто не опроверг это давнее утверждение Спинозы. А если оно к тому же еще и *мыслящее тело*? Значительно продуктивнее говорить о развитии как норме.

Мы, конечно, знаем, что есть время астрономическое, есть время содержатель-

ное, мерой которого являются наши аффекты, мысли и действия, есть время психологическое, в котором присутствует весь человек, со всем своим прошлым, настоящим и будущим, есть время духовное, доминантой которого являются представления человека о вечности, о смысле, о ценностях. Соответственно есть и *духовный возраст*, к изучению которого психология развития почти не прикасалась.

Астрономическое время и содержательное, событийное время горизонтальны. Первое – непрерывно, второе, идущее параллельно первому, — дискретно. Дискретизация физического времени есть очеловечивание его, превращение в живое:

*Вас убивает на внеземной орбите
отнюдь не отсутствие кислорода,
но избыток Времени в чистом, то есть
без примеси вашей жизни виде.*

И. Бродский

Содержательное время складывается из непрерывного физического времени и собственного времени индивида. Если представить физическое время как течение, то плывущий по нему индивид подобен дельфину. Он время от времени выпрыгивает из астрономического времени или ныряет ... в себя, в глубину времени, в собственное время (см. рис.1). При всех своих неоспоримых достоинствах это не безопасная акция. Можно нырнуть в себя, погрузиться в свое Я и не вынырнуть, или ... вынырнуть в доме скорби.

Поведение и деятельность начинают осуществляться во внешнем, физическом времени. Выпадения из него – начало его преодоления, начало события (со-бытия), поступка, начало свободы. Такие выпадения в собственное содержательное время получали различные наименования: *деятельное мгновение*, *активный покой* (А.А. Ухтомский), упомянутое выше *вневременное зияние* (М.М. Бахтин), *зазоры длящегося опыта* (В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили). Выпадение из астрономического времени не происходит автоматически: “Пока не найдешь **действительной** связи между временным и вневременным, до тех пор не станешь писателем не только понятным, но и кому-либо и на что-либо кроме баловства нужным” (Блок А., 1963, с.162).

Человеческое любопытство обследует

*Прошлое и грядущее и прилепляется
К этим понятиям. Но находить
Точку пересечения времени
И вневременного — занятие лишь для святого,
И не занятие даже, но нечто такое,
Что дается и отбирается
Пожизненной смертью в любви,
Горении, жертвенности и самозабвении.*

Т. Элиот

Хотя В.В. Кандинского трудно упрекнуть в святости, скорее — в гениальности, но ему, — по словам В.Р., — удалось нащупать *эпицентр пересечения и схождения* времен, поэтому «Синий всадник» и «О духовном в искусстве» стали образом культуры XX века. Здесь я могу лишь поверить В.Р., но у меня есть основания утверждать, что в этом образе нашлось место для неклассической психологии XX века, связанной с именами Г.Г. Шпета и Л.С. Выготского.

Конечно, возникающее на пересечении времен событийное время, выпадая из астрономического, человеческого, исторического времени, остается «привязанным» к нему. В. Хлебников даже сформулировал закон времени, согласно которому *событие делается противособытием, возмездием*. Согласно А.А. Ухтомскому, предупредить подобную трансформацию закона бытия в закон возмездия (обращаю внимание читателя на буквальное совпадение терминологии у поэта и ученого) призвана *интуиция совести*, проникающая в подлинный смысл вещей, в их правильную оценку (Ухтомский А.А. 1997, с. 124). Интуицию совести или *душевные интегралы* ученый наделял даром предвиденья ситуаций, когда нарушение законов бытия, вносимое проектами действительности, превращает эти законы в законы возмездия. Например, когда идея овладевает массами, она, по справедливому замечанию И. Губермана, превращается в свою противоположность и в точном соответствии с положением Маркса, становясь материальной силой, мстительно крушит все на своем пути.

Наиболее сложной и интересной проблемой является строение событийного времени. Возможно, именно его имел в виду О. Мандельштам, говоря, что время имеет

поперечный разрез, в котором кристаллизуется вечность. В такой кристаллизации поэт видел метафизическую сущность гармонии. Действительно, насыщенность, интенсивность и продуктивность *вечного мгновения* настолько поразительна, что его трудно представить себе точкой на оси астрономического времени или даже точкой на параллельной оси содержательного времени. Здесь нужен какой-нибудь другой образ, более плотный, чем точка, который помог бы представить, как возможно

*В одном мгновеньи видеть вечность,
Огромный шар — в зерне песка;
В единой горсти — бесконечность
И небо в чашечке цветка.*

У. Блейк

Как возможно мгновенное видение ситуации, мгновенное озарение пониманием? Как возможно, чтобы вся жизнь промелькнула перед глазами: мгновенно и картинно, как у Ф.М. Достоевского перед несостоявшейся казнью? Не только поэт, как говорил И. Бродский, но и многие другие в каждый момент времени обладают языком во всей его полноте. А у поэта еще строфика, синтаксис... Такие мгновения не могут быть просто точкой в *мире содержательного времени*. Здесь ближе подходит мандельштамовский *кристалл в поперечном разрезе вечности* или хлебниковские *крылатые и шумящие паруса времени*. Для своего лишенного пространства государства времени В. Хлебников искал разные образы: “Мы зовем в страну, где говорят деревья, где научные союзы, похожие на волны, где весенние войска любви, где время цветет как черемуха и двигает как поршень, где зачеловек в переднике плотника пилит времена на доски и как токарь обращается со своим завтра” (1987, с. 603).

У О. Мандельштама поэзия — плуг, взрывающий время так, что глубинные пласты времени оказываются сверху. Тогда, по словам поэта, может даже впервые *родиться вчерашний день*. Невольно напрашивается аналогия с психоанализом, в сеансах которого актуализируется неосознанное, забытое, вытесненное прошлое. Возможны и другие образы.

Психологическое (автобиографическое) и духовное время перпендикулярны непрерывному астрономическому и дискретному событийному времени (см. рис.1). Пер-

пендикулярность означает выход из горизонтального времени, а то и разрушение его. И. Бродский заметил, что *нигде время не рушится с такой легкостью, как в уме*. Он, видимо, разделял мысль В. Хлебникова о единовременном существовании всех когда-либо живших, последовал его призыву советоваться с *духами великими*. Хотя, может быть, он просто позавидовал беседовавшему с А.С. Пушкиным В.В. Маяковскому и стал современником Горация. "В мои дни, — не без горечи пишет ему Бродский, — расстояние между Каспием и Элладой, не говоря уже о Риме, было в некотором смысле больше, чем две тысячи лет; оно, откровенно говоря, было непреодолимо. Поэтому мы не встретились" (1998, с.СCLXXXII). После эмиграции Бродскому все же удалось преодолеть это расстояние — и реальное (пространство), и виртуальное (время). Впрочем, все перечисленные поэты, хотя и каждый по своему, проиллюстрировали дантовское *стояние времени*, в котором соединяется несоединимое.

На перпендикулярной оси (осях?) времени строится высокий ли, низкий ли внутренний человек. Высота зависит от того, окажется ли человек на пересечении множества времен в *точке* абсолютной временной интенсивности, испытает ли ощущение собранности себя, своего Я в этой точке или запутается в сетях времени, в *паутине смыслов* (образ М. Вебера), сотканной человеком из собственного материала (бытия), паутине, сквозь которую он смотрит на мир и на себя самого. В. Хлебников и О. Мандельштам такие *точки* называли *узлами времени* или *узлами жизни*. (Узлы социального времени распутывает А.И. Солженицын в "Красном колесе"). Развязав свой узел, человек сможет выбрать (построить) осмысленный вектор дальнейшего движения (роста, развития, деятельности). Запутавшись в нем, он окажется заложником, пленником внешних обстоятельств, захлебнется в течении хронологического времени или без руля и без ветрил будет носиться по его поверхности и не сможет подняться над ней. Такой человек потеряет многое, если не все, ибо:

“Звуки бежали вместе с минутами.

Ряд минут составлял время.

Время текло без остановки.

В течении времени отражалась туманная Вечность“.

Л.Л. Правовой, комментируя эти строки А. Белого, пишет: «Примечательно,

что временной поток “действует” как подобие водной поверхности, обретая способность давать отражение Вечности как “статической” модификации темпоральной составляющей континуума (т.е. хронотопа – В.З.)» (см. Волков С., 2000, №3, с.101–102). Лишь поднявшись над потоком времени, человек может, если не *по-знать*, то хотя бы *со-знать* Вечность (термины А. Белого), или сковать время и держать его при помощи мысли (М.К. Мамардашвили), а затем повторить вслед за Рильке: “*Мы вечной нескончаемости суть*”. Пожалуй, к этому следует добавить, что, занимая виртуальную позицию наблюдения за временем, глядя на него сверху, человек оказывается на вершине *светового конуса*. Если ему удастся занять такую позицию, он создает новое представление о Вселенной, точнее, — конструирует свою собственную Вселенную. Смысл этого добавления станет ясен в конце настоящего текста.

Выше шла речь о том, что П.А. Флоренский симультанно воспринимал время — время в разрезе, — глядя на него сбоку. А. Белый воспринимал течение времени, глядя на него сверху. Аналогичны навеянные Венецией размышления И. Бродского: «Ведь вода, если угодно, это сгущенная форма времени. Если мы будем следовать Книге с большой буквы, то вспомним, что там сказано: “и Дух Божий носился над водою”. Если Он носился над водою, то значит отражался в ней. Он, конечно же, есть Время, да? Или Гений времени, или Дух его. И поскольку Он отражается в воде, рано или поздно H₂O им и становится. Доотражалось то есть. Вспомним все эти морщины на воде, складки, волны, их повторяемость... особенно, когда вода — серенького цвета, то есть именно цвета, какого и должно быть, наверное, время. Если можно себе представить время, то скорее всего оно выглядит, как вода. Отсюда идея появления Афродиты-Венеры из волн: она рождается из времени, то есть из воды» (2000. с.205-206). Несколькими строчками ниже мы встречаем у Бродского еще одно замечательное наблюдение: “Полет над водой — особенный, это полет с налогом на отражение”. Значит время обогащает, а то и трансформирует, отражаемое в нем, трансформирует и отражающего, трансформируется и само.

Говоря об этом, И. Бродский имел в виду время в метафизическом смысле, со своим собственным лицом, собственным развитием: “Время к вам поворачивается то той стороной, то этой; перед нами разворачивается *материя* времени, <...> И вопрос в

том, понимает ли поэт, литератор — вообще человек — с чем он имеет дело? Одни люди оказываются более восприимчивы к тому, чего от них хочет время, другие — менее. Вот в чем штука" (там же, с. 152).

Такое персонифицированное время "в конце концов, понимает, *что* оно такое. Должно понимать. И давать о себе знать. Отсюда — из этой функции времени — и явилась Цветаева" (там же, с. 45). Значит контакт человека со временем двусторонний. У поэта он диалогичен. Бродский поясняет это следующим образом: «Время — источник ритма. Помните, я говорил, что всякое стихотворение — это реорганизованное время? И чем более поэт технически разнообразен, тем интимнее его контакт со временем, с источником ритма. Так вот Цветаева — один из самых ритмически разнообразных поэтов. Ритмически богатых, щедрых. Впрочем "щедрый" — это категория качественная, давайте будем оперировать только количественными категориями, да? Время говорит с индивидуумом разными голосами. У времени есть свой бас, свой тенор. И у него есть свой фальцет. Если угодно, Цветаева — это фальцет времени. Голос, выходящий за пределы нотной грамоты» (там же). Метафизическая персонификация времени не новость. "На ты" со временем был В. Маяковский. О. Мандельштаму на плечи бросался век-волкодав. У его времени было не лицо, а звериный оскал...

Значит, чтобы не подчиниться времени, не быть им задавленным, вступить с ним в диалог, нужно подняться над ним. Последовать примеру И. Бродского:

*... по плоскости прокладывая путь,
я пользуюсь альтиметром гордыни...*

и таким образом отыскать свой *горизонт по вертикали*. М.К. Мамардашвили, говоря о многих измерениях времени, также выделял «истинное время», «связное время», «вертикальное мгновение-деление». Как такое возможно, и если возможно, то как достигается? Утешает, конечно, интересная мысль В.Р., тоже персонифицирующего время, что оно само томится по вечности. Но и — по вертикали. Так что будем надеяться, что возможно встречное содружественное движение человека и времени.

* * *

Когда и как начинает строиться вертикальная ось психологического, автобиографического, творческого времени, на которую как бы перескакивают и нанизываются события, происходящие на горизонтальной оси содержательного времени. Вслед за В.Л. Рабиновичем и А.Н. Рылевой, можно назвать его временем начала, «т.е. культурного акта *in status nascendi*; иначе: культуры, понятой как череда начинаний в поле начинаний. Это по сути дела время при нуле времени (вибрация секундной стрелки вокруг нуля или, что то же, — “речка движется и не движется”)» (1999, с.44). Когда она, наконец, задвигается, можно последовать призыву В. Хлебникова и начать *строить крылатые паруса времени около его вертикальной оси*. Или последовать совету Р. Фроста и сделать *жизнь исканием исканий*. Есть, казалось бы, прелестное место, где речка совсем не движется, где биографическое время не нужно. Это, конечно, рай. И. Бродский, вслед за О. Мандельштамом, не любит рая и, как и он, не боится ада. Оба натерпелись на земле. И. Бродский не слишком оптимистически говорил, что в раю *безработица, там тупик, там часы не бьют* и, видимо, там время не бежит, поэтому люди вздыхают о нем, хотя мало кто согласился бы жить вечно:

*ибо рай — это место бессилия. Ибо
это одна из таких планет,
где перспективы нет.*

И. Бродский

Поэт, конечно, имеет в виду временную жизненную перспективу, которая парадоксальным образом уничтожается перспективой вечности:

*...человек есть конец самого себя
и вдается во Время.*

И. Бродский

Возможно, это мотив О. Мандельштама, написавшего в Воронеже: *Я глубоко ушел в немеющее время...* Но память о поэте пережила *немоту паузью*.

А. Ремизов не менее категоричен, чем И. Бродский: «человеку в райском безвременном состоянии задумываться не полагается: мысль и время одно, а время — смерть: «я мыслю, значит я умру»» (2000, с.27). Может быть, мысль и время — одно, но сама-то мысль вне времени или не из времени, возможно, из *чертога теней (?)*, и она

должна пересечься со временем, например, с действием, словом, чтобы действительно воплотиться. А рай — тоже вне времени, так что пересечение невозможно. Или... нужна провокация змия?

У Евы время, ее время и ее биография все же начались, но лишь после изгнания из рая:

*...с той поры, когда из круга
вечности, влюбленная подруга
вышла, чтобы время началось...*

Значит, чтобы начать свое время, нужно осознать, помыслить (ощутить, почувствовать) его конечность. Без этого вечность, бесконечность безразличны, безличны, не имеют своего лица. Ева нашла в себе силы, чтобы сделать свой выбор:

*Что сравнится с женской силой?
Как она безумно смела!
Мир, как дом, сняла, заселила,
Корабли за собой сожгла.*

Б. Пастернак

Еве начать свое время помог Адам:

*Но сказал ей муж, упрям и строг, –
И пошла, с ним умереть желая,
И почти не знала, кто он – Бог.*

Хотя это было ему нелегко:

*Он с трудом переупрямил Бога;
Бог грозил: умрешь в своей гордыне.
Человек не уступил, и будет
Женщина рожать ему отныне.*

Р.М.Рильке

Так мог поступить человек, уже начавший (и, видимо, не без помощи Евы) свое время, помысливший о нем. Мы и на собственном опыте знаем, что люди стремятся начать новое время, хотя бы мысленно, в мечтах, изменить свое время, порой они это делают любыми средствами, не слишком задумываясь о последствиях. Это своего рода

жажда события, "охота к перемене мест", желание испытать себя или нечто на себе. Для того чтобы началось собственное время, нужно выйти из райского круга вечности или из тысячелетнего круга рабства. Вспомним еще одно проклятие, на сей раз — еврейское: «Чтоб тебе быть рабом у раба». Другими словами, нужно начать строить собственное время, стать участником бытия.

Без этого скука, пустота, беспамятство. “Удивительно устроена человеческая память. Ведь вот, кажется, и недавно все это было, а между тем восстановить события стройно и последовательно нет никакой возможности. Выпали звенья из цепи! Кой-что вспоминаешь, прямо так и загорится перед глазами, а прочее раскрошилось, рассыпалось, и только одна труха и какой-то дождик в памяти. Да, впрочем, труха и есть. Дождик? Дождик?” И далее конкретизация: “Так прошло много ночей, их я помню, но все как-то скопом, — было холодно спать. Дни же как будто вымыло из памяти — ничего не помню... но все это как-то смылось в моей памяти, не оставив ничего, кроме скуки в ней, все это я позабыл” (М.А. Булгаков, 1978, с. 394, 398). Время, заполненное одиночеством, печалью, неприкаянностью, неподвластно памяти: *Я мертвенных дней не считаю* (А.А. Ахматова).

Но это не просто провал, пустота. Память героя Булгакова Максудова заполнена скукой, возможно, тоской:

*И вот тоска: забыться без тревоги
и потерять во времени приют.*

Р.М. Рильке

Это напоминает гоголевские “дни без числа”. Уж лучше булгаковское “С числом недействительно”, т.е. время сатанинского бала. Лишенное событийности физическое время — это время распада, разложения. Оно не удерживается человеческой памятью, которая событийна, а не хронографична.

Человек живет и действует в принадлежащем ему времени. Конечно, в развитии человека немалую роль играет случай, судьба, но еще большую собственное усилие. Далеко не каждому выпадает оказаться в нужное время, в нужном месте, когда (где?) сходятся пространство и время. То есть в точке их пересечения. *И географии примесь к времени есть судьба* (И. Бродский). По мнению поэтов и художников именно в таких

точках рождается красота, а возможно, и порывы. В этот же ряд нужно поставить «Час души» М. Цветаевой и ее призыв не пропустить сей час: *Дитя, и час сей благ / И час сей бьет.*

Мне уже приходилось извлекать полезные для психологии уроки из творчества О. Мандельштама. Приведу еще один из эссе поэта «Разговор о Данте»: «Данте никогда не вступает в единоборство с материей, не приготовив орган для ее уловления, не вооружившись измерителем для отсчета конкретного капающего или тающего времени. В поэзии, в которой все есть мера, и вращается вокруг нее и ради нее, измерители суть орудия особого свойства, несущие особую активную функцию. Здесь дрожащая компасная стрелка не только потакает магнитной буре, но и сама ее делает» (1987, с. 114). Так и человек делает свое время, свою бурю (часто в стакане воды), придает времени свою человеческую форму. Или ... бесчеловечную. Или никакую. Как бы то ни было, человек создает свои измерители, свою, порой безумную компасную стрелку, свои "орудия особого свойства". А.А. Ухтомский заметил, что механизмы поведения и деятельности человека – это не "механизмы первичной конструкции". Он создает дополнительные органы и орудия, которые получали разные наименования: функциональные органы индивида, артефакты, артеакты, усилители–амплификаторы, новообразования. К их числу относятся наши предметные действия, образы мира, знания, творческий разум, функциональные состояния, одним из которых, – согласно А.А. Ухтомскому, является даже личность. Создаваемым человеком функциональным органам-орудиям нет числа. Объяснение этому дал В.В. Кандинский: «внутреннее требует частой смены инструмента». Подобные накопленные в течение жизни психологические приобретения — новообразования *становятся неколебимей, чем недвижимость* (И. Бродский). Казалось бы такая прочность входит в противоречие с утверждением О. Мандельштама: «Поэтическая речь создает свои орудия на ходу и на ходу же их уничтожает» (1987, с.143). Это похоже на метафоры Н.А. Бернштейна: каждое ударное движение (молотобойца) есть монолит, а серия таких движений, наложенных одно на другое, есть паутина на ветру.

В создании подобных органов, собственно, и состоит суть развития. О. Мандельштам, например, умел *слышать* время. Он описал его *шум*. В этом же ряду – *духовный взор, око души, внутренний глаз духа*. А. Дюрер говорил, что у художника после

усвоения правил и мер в работе должен появиться *в глазу циркуль и угольник, а в руках – рассудительность и навык*. Создание функциональных органов — результат огромного труда, совершавшегося в истории человечества и совершаемого каждым индивидом:

Так, век за веком – скоро ли, Господь? –

Под скальпелем природы и искусства,

Кричит наш дух, изнемогает плоть,

Рождая орган для шестого чувства.

Н. Гумилев

Рождение и развитие органов-новообразований – предмет истории культуры и культурно-исторической психологии. Они, конечно, имеют дело с разными масштабами времени,

Но скорость внутреннего прогресса

больше, чем скорость мира.

И. Бродский

Не только скорость, но и интенсивность внутреннего развития и его вполне ощутимые и выраженные вовне результаты:

И это – жизнь. И вдруг из мглы вчерашней

из всех минут тишайшая всплывает

и с новой улыбкой, всех бесстрашней,

пред вечностью замрет.

Р.М. Рильке

Это мгновение, становящееся откровением (Рильке), пастернаковское *моментальное навек*, остановить и передать которое мечтают художники. «Настоящее мгновение может выдержать напор столетий и сохранить свою целостность, остаться тем же “сейчас”. Нужно только вырвать его из почвы времени, не повредив его корней – иначе оно завянет» (О. Мандельштам, 1987, с.105). В таких остановленных и неповторимых мгновениях мы находим удивительное сочетание чистой чувственности, незамутненного смысла и пронизательной мысли.

Функциональный орган индивида – *это временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение* (А.А. Ухтомский). Он существует лишь в ис-

полнении. Его можно уподобить ложноножке амебы. Так и функциональный орган, существующий виртуально, актуализируется в нужное время, в нужных обстоятельствах, а затем вновь скрывается, уступая место другому. Это в идеале. А в реальности можно поторопиться, можно и опоздать: человеку ведь свойственно ошибаться, поэтому с силами, хотя бы и собственными, следует обращаться осмотрительно не только в пространстве, но и во времени. И.Г. Фихте точно сказал, что человек создает органы *душой и сознанием назначенные*. Психологи, исповедующие идею интериоризации, не замечали положения Л.С. Выготского о том, что источником возникновения высших психических функций, т.е. тех же функциональных органов – новообразований, может быть не только внешняя предметная деятельность, но и сознание. Направленность (вектор) действия функциональных органов двоякая: на внешнее предмета и на его внутреннее. Последнее — это известное гётевское "видение изнутри". Человек, в этом смысле, похож на удивительного осьминога, который может своими щупальцами не только охватить весь предмет снаружи, но и запустить их внутрь него, чтобы увидеть невидимое. Бывает, что душа и сознание намечают к созданию органы себе на погибель:

Душу сражает, как громом, проклятие:

Творческий разум осилил — убил.

А. Блок

Идея виртуальности функциональных органов принадлежит А.А. Ухтомскому. Задолго до него в поэтической форме она высказана У. Блейком:

Все, что мы видим, есть видение,

Генерированное органами, ушедшими тогда же, когда они пришли,

Но вечными в воображении,

Принимаемыми за ничто обычным человеком.

М.К. Мамардашвили, комментируя эти строки, пишет, что в них «сказано все, что вообще можно было сказать. И три тома "В поисках утраченного времени" написаны также в состоянии понимания того, что в книгу должны входить только те "видения", которые рождаются некими органами, которые исчезают. Органы ухватить нельзя: они в один миг появляются, и генерируют и в тот же миг исчезают; у нас, простых людей, их не остается — я ими владею не так, как моей рукой, моим глазом или моим ухом» (1995,

с.274). Точнее сказать, что простые люди владеют ими так же, как и творцы. У нас они тоже исчезают, выполнив свою функцию, породив образ, действие, мысль, видение. Только у творцов органы и результаты другие. Они порождают, например, видение, в котором *обман немыслим* (О. Мандельштам). И эти органы, как и действие, умирают в продукте. Поэтому-то так сложен анализ творчества, акты которого не оставляют видимых следов, а оставляют лишь результат. Когнитивная психология, озаботившись тем, что происходит в познавательной сфере в микроинтервалы времени, медленно приближается к их пониманию.

* * *

Одна из самых больших загадок – собирание прошлого и будущего в настоящем. Откуда приходят прошлое и будущее в настоящее, откуда берется само настоящее? Как они все сливаются в одновременность, в дление? Есть ли у человека щупальца, которые он может запускать в прошлое, настоящее и будущее?

Ответ на этот вопрос можно найти также у Р.М. Рильке, в стихотворении "Орфей. Эвридика. Гермес", в котором поэт дал свой пересказ известного мифа. Он описывает обратный путь героев из Аида. Орфей идет впереди. Он не должен нарушать божественный запрет и оборачиваться назад, иначе Эвридика вернется в Аид. Приведу строки об идущем Орфее:

*Казалось, его чувства раздвоились:
ибо, покуда взор его, как пес, бежал впереди,
поворачивался, возвращался и замирал, снова и снова,
далекий и ждущий на следующем повороте тропы,
его слух тащился за ним, как запах.
Ему казалось иногда, что слух тянулся
обратно, чтобы услышать шаги тех двух других,
которые должны следовать за ним на этом восхождении.*

Нужно согласиться с И. Бродским, подробно анализировавшим это стихотворение, что Р.М.Рильке поразительно психологически точен. Действительно, есть раздваи-

вание и сдваивание чувств Орфея (зрения и слуха). Взор бежит впереди, слух тащится за ним (как запах), тянется обратно (у Рильке: *Пленный аромат приотстает*). Но взор и слух сдваиваются и вместе определяют душевное состояние Орфея. Значит, взор направлен в будущее, слух и обоняние – в прошлое. (Как сказала М. Цветаева: *Уходят запахи и звуки*.) Продолжим этот ход мысли: осязание, тактильная и кинестетическая чувствительность, вкус дают знание настоящего. Разумеется, все органы чувств обладают памятью. В когнитивной психологии слуховую память обозначили как "эхо-бокс", без которого невозможно понимание речи. Эхо-бокс, вобрав в себя произнесенную часть речевого высказывания, хранит ее некоторое время и даже посылает вперед в будущее, что обеспечивает антиципацию восприятия очередной части речевого высказывания. Иначе ведет себя глаз:

*...следуя дальше, чем тело, взгляд
глаз, уходя вперед,
станет назад посылать подряд
все, что в себя вберет.*

И. Бродский

Таким образом, органы чувств — это еще и щупальцы времени. Это интересный и не встречавшийся мне аспект взаимодействия органов чувств. Конечно, остается вопрос, как и где интегрируются их данные о времени? Если верить И.Бродскому, поэзия в течение двух тысячелетий прививала зрение к слуху, сплавляла видения Назона с размерами Горация. Для человеческой жизни это многовато. Человек, правда, не подозревая об этом, интегрирует их в своем действии.

И все же в восприятии времени, особенно отдаленного, доминирует зрение. Примечательно в этом отношении описание О. Мандельштамом анатомии «дантовского глаза», столь естественно приспособленного лишь для вскрытия самой структуры будущего времени. У Данта была зрительная аккомодация хищных птиц, не приспособленная к ориентации на малом радиусе: слишком большой охотничий участок.

К самому Данту применимы слова гордеца Фаринаты:

«Мы видим, как подслеповатые

(Ад, X, 100)

То есть: мы — грешные души — способны видеть и различать только отдаленное будущее, имея на это особый дар. Мы становимся абсолютно слепы, как только перед нами захлопываются двери в будущее. И в этом своем качестве мы уподобляемся тому, кто борется с сумерками и, различая дальние предметы, не разбирает того, что вблизи» (1987, с.131).

Если органы чувств – это щупальцы времени, то действие и мысль – его зачинатели, создатели и строители:

Всеми своими тремя временами

Глаголы однажды взойдут на Голгофу.

И. Бродский

О. Мандельштам уподоблял мысль гигантским световым щупальцам, шарящим в пустоте времен — всех времен. Конечно, орган чувств, мысль не только ориентируются во времени, проникают в него или шарят в нем. Они способны на большее, они порождают его вкупе с пространством. Как это происходит? Неутомимый и неутолимый *Одиссей возвратился, пространством и временем полный* (О. Мандельштам). Человеческая мысль прожорлива: «Мысль совершается как акт, вбирающий в себя пространство и время, и вместо разорванных пространственно-временных мест, где и когда что-то происходит, сам акт становится источником событий и мыслей» (Мамардашвили М.К., 2000, с.293). Философ ставит вопрос, а где же и когда они происходят и отвечает: «Во-первых, происходит не то, что я вижу, во-вторых, происходит не там, где я вижу это происходящим, и, в-третьих, происходит не тогда, когда я вижу это происходящим... Так вот, *акт мысли ведет нас от кажущихся эффектов к действительно происходящему, он является построением, созиданием чего-то, чтобы мыслить, или созданием текста сознания*» (там же, с.295). И это созидание, этот текст имеет свои пространственно-временные измерения, свою материю и плоть. М.К. Мамардашвили ссылается на Декарта, говорившего, «что человек есть метафизическая материя, имея в виду некоторую абсолютно телесную конкретность совершенно особого события, которое является превращением времени в историю» (там же, с.359). И в этом превращении достойное место занимает *cogito*, которое само есть акт, действие, деяние, поступающее мышление, поступок и т.д. Конечно, дальше мы можем по-разному размышлять и оценивать настав-

шее или становящееся историческое время, восхищаться или ужасаться историей, иронизировать по поводу нее, говоря, что история — это история выживших, в том числе и из ума. Но это уже другой сюжет.

Мне важно подчеркнуть, что действие и мысль строят и держат свое временное пространство, когда это не удастся, так или иначе адаптируются к текущему времени. Если человек не творит свое время, оно полностью подчиняет себе его. Наука, не без влияния идеологии, называет это социализацией личности. Конечно, можно было бы назвать это чистейшим вздором, что, кстати, было бы вполне справедливо, поскольку социализация до сих пор остается практикой, пренебрегающей индивидуальностью. Р.М. Рильке следующим образом пишет о начале социализации:

*Тебя, как нитку новую, вдевали
в чреду картин, где ты очнулся в срок,
но быть самим собой уже не мог.*

Уже поздно: время утрачено! И он же о ее итоге:

*Взрослый народ – неживой, никакой, деревянный –
Взрослое время в воловьей упряжке тянул.*

Индивидуация, как минимум, должна дополнять социализацию, а лучше — противостоять ей. Мысль, конечно, не новая. В частности, она артикулировалась В.В. Кандинским, анализ творчества которого привел В.Л. Рабиновича и А.Н. Рылеву к заключению, что необходимо «*проложить*, например, новый путь от *массовой культуры* к *культуре* (культурам!) *индивидуальных миров* в качестве, как любят теперь изъясняться, *новой парадигмы цивилизации*» (1999, с.59). Для начала нужно хотя бы признать не только право на существование индивидуального, субъективного мира, но и его объективность.

Путь к индивидуации, к свободе — это тяжкий труд, который за человека никто не сделает. На первых порах можно прислушаться к совету Р. Фроста и удлинять поводок между собой и социумом:

*Смейтесь: я просрочил обещанный уход.
Связан с вами, хотя и не прибил к стаду.
Пониманию не обойтись без острот,
Но и мятежа мне приписывать не надо.*

Для действия (а мысль – тоже действие) три координаты времени столь же важны, как координаты пространства. Иное дело, как действие обращается с пространством и временем. Вернемся к Рильке, описывающему движение Орфея:

*Впереди – стройный человек в синей накидке,
Уставясь в тупом нетерпении, прямо перед собой.
Его шаги пожирали дорогу крупными кусками,
Не замедляя ход, чтоб их пережевать...*

Знакомая картина! То же и с пожиранием времени, когда *живущие*, по словам поэта, *не делаются переживальщиками*. Переживание превращает существование в жизнь, в бытие. А это особая работа, для которой требуется время:

*... жизнь
в сущности есть расстояние между сегодня и
завтра, иначе — будущим. И убыстрять свои
шаги стоит только, ежели кто гонится по тропе
сзади: убийца, грабители, прошлое и т.п.*

И. Бродский

Строки поэта относятся не только к спешащему Орфею. Бродский уподоблял время *платью*, а если так, то его нужно шить по мерке и не слишком — на вырост: Пренебрежение этим — пагубно. Это сюжет и В.Р., рассматривающего «Авангард как нескончаемое начало». К нему же относится и большевистско-советский, парасоциальный, пара-культурный эксперимент — попытка обогнать время, *обштопать* естественный ход событий: «Вспомним катаевское “Время вперед!”, “Пятилетку в четыре года”, “Белый квадрат” “светлого будущего”, оставившего страну без будущего и — как *утопию* — в *нигде*. Так время как выпавшее из самого себя совпало с пространством в *нигде* (=утопии). И потому и то и другое (купно) аннигилированы *навсегда* и *навезде* в наказание за *никогда* и за *нигде* — за пятилетку в четыре года, за *Октябрьскую* революцию в *ноябре*, за шолоховское *черное* солнце над страной (в *занебесье*), за платоновский «Котлован» в подземелье; за апофеозы бесконечно случайных встреч, взломавших все причинно-следственные связи в нормальном времени и упорядоченном пространстве («Доктор Живаго») ... За бесчетные — и в самом деле гоголевские “дни без

числа» (1999, с.45). К этому можно добавить: за «Нам нет преград...», за знамя, которое «Мы пронесем через миры и века...», за абсурдную последовательность, как будто начертанную Д. Хармсом: «Соберем и посеем и вспашем». А главное: за «... нечего терять, кроме своих цепей» (*и совести, если на то пошло*, — добавил И. Бродский), т.е. за убогость духа и пустоту души. Прыжок из царства необходимости в царство свободы оказался подобен попытке преодолеть пропасть в два прыжка. О. Мандельштам резонно заметил: «Мы не летаем, мы поднимаемся только на те башни, которые сами можем построить» (1987, с.172). Время, действительно, не любит удил. Оно требует (и нуждается) переживания, осознания и, как действующее лицо — уважения и вежливого обращения.

Мы видели, что сюжет о различиях между проживанием, переживанием, прозябанием, существованием не оставляет поэтов. О. Мандельштам как бы поясняет:

И день сгорел, как белая страница:

Немного дыма и немного пепла!

Примерам нет числа. Далеко не каждый может повторить вслед за великим тружеником В. Хлебниковым: *Время катится недаром*. Есть еще одна, предусмотренная И. Бродским, возможность — *засорение времени*. Известно, что имеется тесная связь между движением и временем. Такая связь есть не только в механике. Механическое движение пожирает, убивает время. Живое движение, напротив, оживляет и даже создает, строит живое время. Живое движение души может одухотворять историческое время, членить ритмизировать его, образовывать в нем зазоры, периоды активного покоя, остановки, соединять его с пространством. Мертвящая история если не убивает душу и дух до конца, то сильно деформирует их. Чтобы не беречь душу читателя мрачными и близкими примерами, сошлюсь на Зазеркалье, превосходно изображенное Льюисом Кэрроллом: "Одно хорошо, — продолжала Королева, — помнишь при этом и прошлое и будущее. У меня память не такая, — сказала Алиса. — Я не могу вспомнить то, что еще не случилось. — Значит у тебя память неважная. <...> Возьмем к примеру Королевского Гонца. Он сейчас в тюрьме, отбывает наказание, а суд начнется только в будущую среду. Ну а про преступление он еще и не думал" ("Алиса в Зазеркалье"). Память самого Кэрролла, видимо, была такой же, как у его героев: он помнил и прошлые и будущие системы правосудия, в том числе и ставшие нормой в XX веке и расцветающие по сей

день.

* * *

Человек всегда находится в живом, жизненном времени, которое отличается от хронологического времени жизни. Жизненное время определяет и жизненное пространство, жизненный мир человека. Их зависимость, разумеется, взаимная. Художник Р. Пуссет-Дарт назвал одну из своих композиций так: «Время есть разум пространства. Пространство есть плоть времени». Не менее афористичен М. Пруст, писавший, что у пространства есть геометрия, а у времени есть психология. Вместе они составляют хронотоп, являющийся результатом и условием развития сознательной и бессознательной жизни. Хронотоп, как и все живое, упорно сопротивляется концептуализации. Его образ дал С. Дали в своих растекшихся часах на картине «Упорство памяти». Он же его и прокомментировал: «... это не только фантастический образ мира; в этих текучих сырах заключена высшая формула пространства — времени. Этот образ родился вдруг, и, полагаю, именно тогда я вырвал у Иррационального (вслед за Данте и многими другими героями этой статьи — В.З.) одну из его главных тайн, один из его архетипов, ибо мои мягкие часы точнее всякого уравнения определяют жизнь: пространство-время сгущается, чтобы, застывая, растечься камамбером, обреченным протухнуть и взрастить шампиньоны духовных порывов — искорки, запускающие мотор мироздания» (1998, с. 401). Перед таким образом, действительно, привычные часы умирают в безмолвной печали (Р.М. Рильке) или, как у А. Блока: "Длятся часы, мировое несущее". Не идут, а длятся. Во время такого дления порывы превращаются в текст! Или пропадают втуне! К чему время, относится с олимпийским спокойствием:

Но времени себя не жалко

На нас растрачивать. Скажи спасибо, что – неспесиво,

Что совершенно не безглаго.

И. Бродский

Возможно, такое спокойствие объясняется тем, что у Времени слишком много времени

*... и так уж повелось,
что время не найдет никак
того, кто в суть вещей, Всеблаг,
врос до корней волос.*

Р.М. Рильке

Приведенные образы времени, пространства, хронотопа не так-то просто имплантировать в тело психологии, в том числе и в тело психологии развития. Развитие человека не линейно, не поступательно. "Устойчивое развитие" – это технократическая и экономическая химера. Такая же нелепая как одновременные "перестройка и ускорение". О. Мандельштам писал, что *Прообразом исторического события — в природе служит гроза. Прообразом же отсутствия событий можно считать движение часовой стрелки по циферблату.* Тот же мотив у И. Бродского:

*Неподвижности прогресс,
То есть — ходиков тик-так.*

Это полностью относится и к развитию культуры, в которой, согласно Ю.М. Лотману, сочетаются постепенные и взрывные процессы. Это же относится и к развитию отдельного человека. Оно, если оно происходит, событийно, в нем имеются незапланированные грозовые события, взрывы, взлеты, падения, новые рождения и, конечно, запланированные возрастной психологией кризисы. Сказанное столь же несомненно, сколь и трудно поддается изучению, поскольку траектория развития каждого человека уникальна, неповторима, непредсказуема. В этом сложность и прелесть науки о развитии человека, она, вопреки всему сказанному, все же существует.

Наука о психическом развитии человека представляет собой итог усилий многих поколений ученых, которые понимали драматичность и трагичность человеческого развития, вынося это понимание за скобки изложения своих результатов. Психолог — не художник, он не может последовать совету В.В. Кандинского *говорить о материи языком мистерии*. Трагедия и драма — это все же прерогатива искусства. Но знать этот язык он обязан. Романтический философ Ф. Шлегель когда-то советовал: *Если ты хочешь проникнуть в тайны физики, ты должен посвятить себя в мистерии поэзии.* Если бы физики прислушивались к этому совету, возможно, они не стали бы сами авто-

рами, пусть даже невольными, величайших мистерий XX века. Видимо, им недоставало интуиции совести. Какой поучительный урок для психологов и психологии, разрушительная сила которой набирает обороты. Совершенствуются техники зомбирования, манипулирования людьми и их сознанием, техники имиджмейкерства и даже — харизмейкерства... И все это происходит несмотря на предупреждения и хлопоты гуманистической психологии! Физики, конечно, виновны, но заслуживают снисхождения. Они не обладают пророческим даром, хотя вовсе не чужды поэзии.

На этом можно (а возможно, и нужно было бы) поставить точку. Но, как известно, прогресс, кажется, не только в нашей стране, происходит благодаря тому, что люди заняты не своим делом. Частично я продемонстрировал это своим вторжением в область поэзии и философии. Однако поэтической антропологии мне мало, тем более что антропологические время и пространство в поэзии переплетаются с космологическим. Есть дантовский планетарий, говорящие звезды М. Лермонтова, солнцам и лунам вообще нет числа. О времени и пространстве многое было сказано выше. Наиболее интересный сюжет — пересечения, таинственные временные перекрестки, — в терминах В.Р., — эпицентры схождения пространства и времени. Именно в них локализуются Мегамиги Рабиновича, со всеми их необыкновенными свойствами, о которых шла речь выше. Дальнейшее следует воспринимать *cum grano salis*.

Рискну предположить, что имеется глубокая аналогия между поэтическими образами фиксированной точки интенсивности, где сходятся, пересекаются пространство, время и смысл (тот же хронотоп) и современными космологическими гипотезами о происхождении Вселенной. Суть гипотез состоит в том, что в некий момент времени сошлись независимые или, как говорил А.А. Ухтомский, инвариантные до того пространство и время. В просторечьи это звучит так, как будто пространство и время оказались в нужное время в нужном месте. Значит их свела судьба. Благодаря их встрече произошел Большой Взрыв и через миллиардную долю секунды образовался *конформный пространственно-временной интервал*. Последний сохранял *световой конус*, что и привело к рождению Вселенной и ее вещества (Пригожин И., 2000, с. 155). Не берусь судить, так ли это происходило или иначе. Но для поэзии, философии и для психологии подобная метафора не новость. Есть состояния молниеносного озарения пониманием,

инсайта, сатори (японский эквивалент озарения), вызывающих бурный прилив духовной энергии, создающих свой световой конус.

Приведу еще одну попытку понимания «человеческого мига», на сей раз применительно к мышлению: «Значит, мы мыслим в некоторых естественных и крупномасштабных единицах, которые не нужно понимать наглядно и буквально. В действительности это может быть и бывает для нас чаще всего мигом, то есть состоянием, которое нельзя повторить и продлить. Будучи не в силах его продлить и искусственно составить, мы называем его мигом, хотя в каком-то реальном или божественном измерении он может быть целым миром. И поэтому миг — неизмеримое, или безразмерное, естественное свободное действие (наши измерения здесь не годятся). Главное здесь для нас — естественность, а не умственная произвольность и эмпиричность» (Мамардашвили М.К., 2000, с.297). В этом пункте разрыва с эмпирическим Мамардашвили вводит продуктивное воображение. Можно добавить вдохновение, творчество, выливающееся в создание своей собственной Вселенной. Проиллюстрирую сказанное, замечанием О. Мандельштама о Б. Пастернаке: «Набрал в рот вселенную и молчит. Всегда-всегда молчит. Аж страшно.

*Набравши море в рот,
Да прыскает вселенной»* (1990, с.376).

Б. Пастернак подтвердил это:

*Мирозданье — лишь страсти разряды,
Человеческим сердцем накопленной.*

Создаваемая человеком вселенная может включать в себя множество миров, которые в разной степени осознаются, объективируются, выражаются вовне. Особая работа — овладение ими. *Я — создатель миров моих*, — сказал О. Мандельштам. Его *дуговая растяжка, трансцендентальный привод, зарядка бытия, событие и гроза*, как и активный хронотоп А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина — все это аналоги конформного интервала и светового конуса. Или последние — аналоги первых?! Таинственным для поэтов, художников, для гуманитарного и естественнонаучного знания остается возникновение конформного интервала, мига, момента встречи. Всем им пока придется довольствоваться идеей Томаса Элиота: *настал миг времени не из времени*:

*На гонимых ветром барханах и горах,
где ветер разносит снег.
Безвидность и пустота. Безвидность и пустота.
и тьма над бездною.
Тогда в предназначенный миг
настал миг времени и во времени.
Миг не из времени, этим мигот сотворено
время то, что зовут историей:
ибо без смысла нет времени,
а этот миг времени придал ему смысл.*

Т. Элиот

Приведу и другой взгляд на Творение, выраженный В. Рабиновичем в стихотворении «Стихия воздуха»:

*Глазные напрягая мускулы,
Как это делал Левенгук,
Я видел воздуха корпускулы,
Не видя ничего вокруг.

И было видимо-невидимо
Безвидных тех первоначал...
Как выяснилось, я, по-видимому,
Невидимое обличал.

И обличил... В пустынной ауре
Теперь не пусто. Там плывут
Шары оранжевые в мареве,
И ангелы им в такт поют.

Плывут, своё имея мнение
Прельщать и тихо искушать...
Но – вскользь замечу тем не менее –
Тем воздухом нельзя дышать.*

*Зато тот перехват дыхания,
Всеобщего и ничьего...
И это всё воспоминание
О творчестве из ничего.*

«Творчество *из ничего*» — это, конечно, Божественное дело, хотя если верить Льву Шестову, оно иногда свойственно и людям. Именно так он назвал свою статью, посвященную творчеству А.П. Чехова.

Миг времени не из времени! Или: *глубокий час души и ночи, не числящийся на часах* М. Цветаевой. Все это порывы, которые превращаются в тексты. Такая неразличимость поэтических метафор и космологических гипотез при изображении *актов творчества* еще раз подтверждает возможность мифологического и символического понимания мира как единого организма, имеющего внешние и внутренние формы, и такого же понимания человека, искусства и языка. Именно в этом смысле мир соприроден человеку, а человек соприроден миру (см. Зинченко В.П. 2000; 2002). Можно предположить, что это еще одна символическая, поэтико-метафорическая размерность введенного космологами антропного принципа устройства мира. Согласно ему, дружественный Универсум поддерживает жизнь, в том числе и человеческую.

Гулы живых поэтических метафор А. Ахматовой, А. Белого, В. Хлебникова, О. Мандельштама, Б.Пастернака, Р.М. Рильке, Т. Эллиота, М. Цветаевой, И. Бродского и др. (см.: эпиграф) доносятся до космологии, антропологии и других наук. Но и гул имитатор Вадима Рабиновича – поэта, химика и гуманитария купно. К сожалению, эти гулы меньше слышны в психологии. Время покажет, насколько психология сумеет ими воспользоваться. Подозреваю, что психологам придется построить специальные функциональные органы, *орудия особого свойства* для их *уловления*. Если она это сделает, то откроет для себя новые страницы и новые пути увлекательного познания человека и приблизится к его целостному пониманию в контексте не только культуры, но и Космоса.

Читатель, видимо, догадался, что моя интенция состояла в том, чтобы не закрыть, а открыть тему времени в психологии. Вслед за поэтами и философами, мысли которых приведены в тексте, я не стремился разрешить тайну времени, а лишь — всмотреться в нее. Главный урок, который Универсум преподносит людям, это необхо-

димось конформных интервалов во встречах пространства и времени, поскольку именно такие встречи порождают Вселенную, жизнь, человека, сознание и обеспечивают если и не слишком благополучное, то — относительно длительное их существование. Беда человека, авансом присвоившего себе гордое имя Homo sapiens, не в том, что он разъединяет пространство и время, а в том, что он, разъединив, далеко не всегда может соединить их со смыслом в активный хронотоп. Закончу версией эйнштейновской Вселенной, которую предложил И. Бродский:

...Масса

*увы, не кратное от деленья
энергии на скорость зренья
в квадрате, но ощущение тренья
о себе подобных. Вглядись в пространство!*

К этому можно добавить: Вглядись и вслушайся во время!

Литература

- Бахтин М.М. Собрание сочинений. М.: Русские словари. 2002, т.6.
- Блок А. Сочинения в 8 т. — т.5. М.: Худ. лит., 1963.
- Бродский И. Письмо к Горацию. М.: Наш дом, 1998.
- Булгаков М. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита: Романы. Л.: Худ. лит., 1978.
- Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2000.
- Гордеева Н.Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М., Тривола, 1985.
- Дали С. Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим. М.: Сварог и Ко, 1998.
- Зинченко В. П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997.
- Зинченко В.П. Гипотеза о происхождении учения А.А.Ухтомского о доминанте // Человек. 2000. №3, с.с. 5-20.
- Зинченко В.П. Мысль и слово Г.Г. Шпета. Изд-во УРАО, М.2000а.

Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. М., 1995 с. 274

Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М., 2000.

Мандельштам О. Слово и культура. М.: Сов. писатель, 1987.

Мандельштам О. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1990.

Печерский М. Сто лет спустя, за тридевять земель //Век XX и Мир. 1996, с.с. 22–37.

Правоверова Л.Л. Движение сквозь пространство и время. Миры А. Белого и В. Кандинского //Человек. 2000, №3.

Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Москва-Ижевск: НИЦ "Регулярная и хаотическая динамика", 2000.

Рабинович В.Л. Рылева А.Н. Синий всадник еще в пути (Время Кандинского в большом времени XX века) // Вопросы философии. 1999, №6.

Рабинович Вадим. Не жалейте жить зазря // Литературная газета от 25 февраля – 2 марта 2004 года.

Ремизов Алексей. Сны и предсонье. СПб: Азбука, 2000.

Терехина В.Н. Экспрессионизм: русские реалии //Человек. 2001, №3 с.с. 122–136.

Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.

Флоренский Павел, священник. Детям моим. Воспоминания прошлых дней и др. М.: Московский рабочий: 1992.

Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990.

Хлебников В. Творения. М.: Сов. Писатель. 1987.

Хоружий С.С. Шесть интенций на бытийную альтернативу //Альманах "Журнал наблюдений". 2001, №1.

Эткинд Е.Г. Материя стиха. Париж: D'etudes Slaves, 1975.